

Авдонина Лионора Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры «Романо-германская филология» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза
lionora50@mail.ru

Таньков Николай Николаевич,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Романо-германская филология» ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза
tankovnn@gmail.com

Мелодия любви в цикле «Три послания» Александра Блока

Аннотация. В статье рассматривается музыкальное звучание и художественное оформление любовной страсти в цикле Александра Блока «Три послания», посвященного актрисе В. А. Щеголевой. Исследуя любовные отношения в «страшном мире», поэт изображает светлые и темные стороны страсти, ее гармоничное и дисгармоничное звучание и цветовое восприятие. Греховное начало страсти, по мнению Блока, не исключает светлого, прекрасного чувства любви в мире зла и пошлости.

Ключевые слова: Александр Блок, Валентина Андреевна Щеголева, цикл «Три послания», гармоничные и дисгармоничные звуки, метафорические образы, символика черного цвета.

Раздел: (05) филология; искусствознание; культурология.

Александр Блок познакомился с актрисой Валентиной Андреевной Щеголевой (Богуславской) – женой историка и пушкиниста П. Е. Щеголева – в снежные декабрьские дни 1906 г. в Театре В. Ф. Комиссаржевской. Поэт посвятил ей три стихотворения: «Все помнит о весле вздыхающем...» (1908), «Черный ворон в сумраке снежном...» и «Знаю я твое льстивое имя...» (1910), которые впоследствии были озаглавлены «Три послания» и включены в раздел «Голоса скрипок». В дальнейшем состав цикла, последовательность стихотворений в нем не изменились, только даты под каждым текстом заменены общей датировкой: 1908–1910, а сам цикл помещен в раздел «Арфы и скрипки», в состав которого он входил и в последующих переизданиях третьей книги [1].

Судя по воспоминаниям Н. Г. Чулковой, жены поэта, прозаика, переводчика и литературного критика Г. И. Чулкова, близкого знакомого А. Блока, опубликованным в сообщении Е. Ю. Литвина и С. С. Гречишкиной «Блок и Щеголева», Валентина Андреевна была совсем некрасива лицом, но очень женственна и грациозна, имела приятный голос. Блок любил гулять за городом, ездить на острова, кататься на лодке, один или с друзьями. Часто участницей таких прогулок в 1906–1910 гг. была В. А. Щеголева. Оставленные актрисой дневниковые записи свидетельствуют о том, что Валентина Андреевна была совершенно пленена Александром Блоком, его поэзией, его обликом [2].

Блок и Щеголева встречаются на литературных вечерах, концертах, чтениях, в литературных гостиных. Известно, что Валентина Андреевна исполняла мелодекламацию на стихи Вяч. Иванова и Сологуба. Особым успехом пользовалась «Менада» Вяч. Иванова в исполнении В. А. Щеголевой. «Благодарный автор» посвятил ей стихотворение «Как жертвы тень с любовью онемелой», в котором создается образ страстной менады – в древнегреческой мифологии спутницы и почитательницы Диониса. Вероятно, под влиянием созданного Щеголевой образа менады в послании

Александра Блока возникает мотив мятежной, сжигающей, дионисийской страсти, присущей «страшному миру» [3].

21 декабря 1910 г. А. Блок, подготовив для издания «Три послания», написал актрисе, спрашивая разрешение поставить ее инициалы в книге. Поэт получил согласие, однако А. М. Ремизов, которому А. Блок послал сборник, неодобрительно отнесся к посвящению. Протест А. М. Ремизова вызван опасением, что посвящение скомпрометирует близких ему людей. С мужем Валентины Андреевны Павлом Елисеевичем Щеголевым А. М. Ремизов подружился в 1900-е гг. в вологодской ссылке. Поэт всегда выступал против автобиографического прочтения своей лирики, однако в конце концов А. М. Ремизову удалось переубедить поэта, и посвящение в виде трех инициалов «В. А. Щ.» было заменено одним – «В» [4].

Раздел «Арфы и скрипки» создается Александром Блоком на протяжении десяти лет и входит в третью книгу лирики поэта. Анализируя стихи этой книги, Н. С. Гумилев отмечал «торжественное приближение Духа Музыки, побеждающего демонов»: «Музыка – это то, что соединяет мир земной и мир бесплотный. Это душа вещей и тело мысли... Слова — как ноты, фразы – как аккорды. И мир, облагороженный музыкой, стал по-человечески прекрасным и чистым, – весь, от могилы Данте до линиялой занавески над больными геранями» [5]. В. М. Жирмунским [6] иносказательное заглавие целого отдела «Арфы и скрипки» воспринимается как своеобразное метафорическое оживление мотива скрипки, который становится «постоянной символической принадлежностью известной душевной настроенности». По мнению Д. М. Поцепни, в прозе поэта «художественная идея музыки – “сущности мира” – раскрывается и как действенное, преобразующее начало жизни» и в смысловом плане соотносится с дневниковой записью Блока: «Мир движется музыкой, страстью, пристрастием, силой» [7]. Цикл «Три послания» поэта, который входит в раздел «Арфы и скрипки», отражает символическую концепцию мира как воплощение «духа музыки»: музыка является средством передачи чувств и любовных переживаний. Таким образом, цель данной статьи – исследовать музыкальное звучание и художественное оформление любви в «страшном» мире на основе автобиографического мифа.

Первое стихотворение цикла, по воспоминаниям В. А. Щеголевой, напоминало ей прогулку на Каменном острове в окрестностях Петербурга и то майское утро, «когда ничто не нарушало гармонии, цвели тюльпаны... сверкала желтым золотом серебряная гладь взморья» [8]:

Всё помнит о весле вздыхающем
Моё блаженное плечо...
Под этим взором убегающим
Не мог я вспомнить ни о чём...

Твои движения несмелые,
Неверный поворот руля...
И уходящий в ночи белые
Неверный призрак корабля...

И в ясном море утопающий
Печальный стан рыбацких шхун...
И в золоте восходном тающий
Бесцельный путь, бесцельный вьюн... [9]

В тексте послания нет адресата, но оно обращено к женщине – на это указывает словосочетание *твои движения*, в котором используется притяжательное местоиме-

ние, образованное от личного местоимения *ты*. Как любое местоимение, оно не содержит конкретного указания на лицо: мы лишь понимаем, что речь идет о женщине, в которую влюблен лирический герой. Описываемое событие – прогулка с возлюбленной – выглядит нереально и призрачно: в солнечном свете восхода море спокойно и ясно, как и отношения участников «лирического сюжета», однако стремление к счастью в какой-то степени бессмысленно. Воображаемый мир изображен беззвучным, как это бывает во сне, но эти звуки словно притаились в ожидании чего-то нового. Поэт использует прилагательные с приставкой «не», которые не дают точного представления о лексическом значении, а являются отрицанием корневого значения: *нестелый, неверный*; причастия, передающие неясные движения как предметов, так и чувств: *вздыхающий, убегающий, уходящий, утопающий, тающий*. Над гармонией ясного моря царит печаль рыбацких шхун, мерцают неясные очертания выюна, и все это подчеркивает бесцельность будущих отношений влюбленных. В мелодии текста сочетаются сонорные и шипящие звуки, и такое сочетание не предвещает спокойствия и свидетельствует о будущей бури страстей.

Во втором стихотворении цикла «Три послания» появляется адресат: это любимая женщина, имя которой *Валентина*:

Чёрный ворон в сумраке снежном,
Чёрный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поёт о южных ночах.

В лёгком сердце – страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Снежный ветер, твоё дыханье,
Опьянённые губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен!
И нём – твоих поцелуев бред,
Тёмный мóрок цыганских песен,
Торопливый полёт комет! [10]

В тексте нарисован пленительный образ женщины в черном бархате на смуглых плечах, пьянящее дыхание и страстные поцелуи которой сводят с ума лирического героя. Поэт называет возлюбленную *звезда, мечтанье*: так за образом реальной женщины встает образ иррациональный, символизирующий возвышенность Мечты и высокого Неба и олицетворяющий Вечную Женственность в понимании Александра Блока.

По мнению В. Жирмунского, поэт впервые в русской поэзии изображает любовную страсть как «ощущение присутствия творческого довременного хаоса, освобожденных космических сил, из ночного “страшного” мира наплывающих на поэта и затопляющих узкую область светлого дневного сознания» [11]. Вихрь страсти у Александра Блока изображается в противопоставлении нежной мелодии соловьиных песен и визжащих звуков цыганского романса: *томный голос, пением нежным, поет, поют соловьи и темный морок цыганских песен*. Первая группа слов в сочетании с метафорическими эпитетами в данной тексте, как и в прозе поэта, передает завораживающую и таинственную силу любви [12]. Вторая группа состоит из словосочетания *цыганские песни*, которое вбирает в себя звенящие, лишённые стройности звуки

скрипки и своеобразное, надрывное звучание слов, что подчеркивает, как и в прозе, роковую силу стихии страсти [13]. Дисгармонию в мелодию страсти в тексте послания вносит и звучание копыт несущегося на большой скорости рыска, и завывание метели в снежную ночь – эти звуки усиливают греховное начало в восприятии любви.

В тексте послания появляется поэтический образ *страшный мир*. По мнению Андрея Белого, трагическая окраска мироощущения Блока впервые встречается в стихотворениях 1908 г.: «Именно в это время слагались темы той роковой безнадежности, которые с потрясающей силой встречают нас в третьем томе стихов. ...угаром и страстью охвачены строчки стихов; его страсть, роковая и знойная, зазвучала из ветра и вьюги... Эти «краски зренья на мир и на жизнь» с каждым годом сгущались все больше, о чем говорят записи в блоковских дневниках и записных книжках. Мрачные впечатления от действительности, накапливаясь, оказывали на Блока все большее воздействие. Все чаще охватывали его настроения подавленности, безысходности, скуки, тоски» [14]. Однако, судя по дневниковым записям Блока, «жить на свете и страшно и прекрасно» (Дневник. 10 ноября 1911 г.) – *страшный мир* «не заслонял в сознании Блока светлых сторон жизни, «контрастное» восприятие мира было присуще ему и в этот тяжкий период» [15]. Такое же восприятие жизни характерно для Александра Блока и в данном тексте: несмотря ни на что, любовь остается неповторимым и сильным чувством, которое дает силы жить и творить даже в атмосфере всеобщей лжи и обмана.

В третьем стихотворении цикла дисгармоничное начало в мелодии любви усиливается – это завывание снежных вьюг и звенящие звуки жемчужного ожерелья:

Знаю я твоё лъстивое имя,
Чёрный бархат и губы в огне,
Но стоит за плечами твоими
Иногда неизвестное мне.

И ложится упорная гневность
У меня меж бровей на челе:
Она жжёт меня, чёрная ревность
По твоей незнакомой земле.

И, готовый на новые муки,
Вспоминаю те вьюги, снега,
Твои дикие слабые руки,
Бормотаний твоих жемчуга [16]

Адресат этого послания – женщина с *лъстивым* именем. Объяснение данному эпитету к слову *имя* приводит В. Жирмунский, по мнению которого «Блок обыгрывает созвучие имени Щеголевой Валентина с «валентиной» (от англ. valentine) – другом сердца, возлюбленной, выбираемой во время английского праздника дня св. Валентина, приходящегося на 14 февраля» [17]. Поэт указывает на конкретные черты возлюбленной: известно, что речь В. А. Щеголевой, когда она волновалась, была порывистой и почти бессвязной, поэтому строчки *эти дикие слабые руки и бормотаний твоих жемчуга* «прекрасно передавали ее манеру выражать свои чувства» [18].

Обращение поэта к возлюбленной сопровождается не только несогласованными звуками природы и человека, но и черным цветом ночи и огнем ревности – так передает Александр Блок силу любовной страсти. Используя метафорические образы *губы в огне, жжет ревность, ложится гневность* и символическое значение цветочного прилагательного *чёрный*, поэт изображает неотвратимость любовных чар и готовность к новым мукам страсти.

Примечательна роль черного и близких к нему цветов в словосочетаниях цикла: *черный ворон, черный бархат, черная ревность, смуглые плечи, темный морок*. Несомненно, черный цвет несет в себе одержимость, неистовство и трагизм [19]. Однако стихийность черного цвета в текстах противопоставлена светлой символике белого и несет в себе то восхищение силой страсти и красоты, которое всегда было присуще поэту. Важно еще и то, что от первого стихотворения цикла к третьему изменяется цветовая палитра: если первое послание наполнено светом восходящего солнца и спокойствием любви, то в последнем стихотворении усиливается беспросветный мрак ночи и стихийность темной страсти.

Итак, в результате исследования мелодии любви в цикле «Три послания» Александра Блока установлено следующее.

1. Цикл «Три послания» Блока автобиографичен и посвящен В. А. Щеголевой, однако поэт превращает лирический дневник в поэтические размышления о музыкальной сущности мира.

2. Звучание мелодии любви в цикле Александра Блока «Три послания» неоднозначно, оно соответствует дионисийскому началу в жизни и искусстве и связано с дисгармонией, диссонансом в мировом оркестре. Для поэта мелодия любви даже в «страшном» мире прекрасна.

3. Первое стихотворение цикла отличается беззвучием, олицетворяющим гармонию первозданного мира, в котором зарождается мелодия любви.

4. Таинственной мелодии любви лирического героя цикла противостоят греховные темные силы как в окружающем мире, так и в его душе. Дисгармония звучания мелодии любви нарастает уже во втором стихотворении цикла и усиливается в третьем послании, превращаясь в прекрасную, но испепеляющую страсть, характерную для «страшного» мира.

5. Дисгармоничное звучание любви в цикле «Три послания» Александра Блока сочетается с символикой черного и белого цветов, каждый из которых обозначает как темную одержимость ночи и мятежность снежной вьюги, так и величественную красоту бархатных южных ночей и возвышенную святость белых северных ночей.

Ссылки на источники

1. Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 3. Стихотворения. Книга третья (1907–1916) / гл. ред. А. Л. Гришунин; отв. ред. тома Ю. К. Герасимов. – М.: Наука, 1997. – С. 828.
2. Литвин Е. Ю., Гречишкина С. С. Блок и В. А. Щеголева // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. Новые материалы и исследования. – М.: Наука, 1982. – С. 850–856.
3. Блок А. А. Указ. соч. – С. 828–829.
4. Там же.
5. Там же. – С. 822.
6. Там же.
7. Поцепня Д. М. Проза А. Блока. Стилистические проблемы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – С. 27.
8. Блок А. А. Указ. соч. – С. 830.
9. Там же. – С. 113.
10. Там же. – С. 113–114.
11. Там же.
12. Поцепня Д. М. Указ. соч. – С. 57.
13. Там же. – С. 58–60.
14. Блок А. А. Указ. соч. – С. 582.
15. Там же.
16. Там же. – С. 114.
17. Там же. – С. 831–832.
18. Литвин Е. Ю., Гречишкина С. С. Указ. соч. – С. 851.
19. Краснова Л. В. Поэзия А. Блока. К проблеме концептуальности поэтических форм: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М.: МПГУ им. В. И. Ленина, 1991. – С. 15.

Lyonora Avdonina,

Candidate of Philological Sciences (PhD), Associate Professor, Germanic and Romance Languages Chair, Penza State University, Penza

lyonora50@mail.ru

Nikolai Tankov,

Candidate of Pedagogical Sciences (PhD), Associate Professor, Germanic and Romance Languages Chair, Penza State University, Penza

tankovnn@gmail.com

The melody of love in Aleksandr Blok's "Three Messages"

Abstract. The article discusses the musical sound and artistic setting of love passion in Aleksandr Blok's "Three Messages" dedicated to actress Shchegoleva. Studying the romance in "the terrible world", the poet depicts light and dark sides of passion, its harmonious and disharmonious sounds and color perception. Aleksandr Blok thinks that the sinful origin of passion does not exclude the beautiful feeling of love in the world of evil and vulgarity.

Key words: Aleksandr Blok, Valentina Andreyevna Shchegoleva, "Three Messages" cycle, harmonious and disharmonious sounds, metaphoric images, symbols of black.

References

1. Blok, A. A. (1997). *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. 3. Stihotvorenija. Kniga tret'ja (1907–1916)*, Nauka, Moscow, p. 828 (in Russian).
2. Litvin, E. Ju. & Grechishkina, S. S. (1982). "Blok i V. A. Shchegoleva", *Literaturnoe nasledstvo*. T. 92. Kn. 3. *Novye materialy i issledovanija*, Nauka, Moscow, pp. 850–856 (in Russian).
3. Blok, A. A. (1997). *Op. cit.*, pp. 828–829.
4. *Ibid.*
5. *Ibid.*, p. 822.
6. *Ibid.*
7. Поцепня, D. M. (1976). *Proza A. Bloka. Stilisticheskie problemy*, Izd-vo LGU, Leningrad, p. 27 (in Russian).
8. Blok, A. A. (1997). *Op. cit.*, p. 830.
9. *Ibid.*, p. 113.
10. *Ibid.*, pp. 113–114.
11. *Ibid.*
12. Поцепня, D. M. (1976). *Op. cit.*, p. 57.
13. *Ibid.*, pp. 58–60.
14. Blok, A. A. (1997). *Op. cit.*, p. 582.
15. *Ibid.*
16. *Ibid.*, p. 114.
17. *Ibid.*, pp. 831–832.
18. Litvin, E. Ju. & Grechishkina, S. S. (1982). *Op. cit.*, p. 851.
19. Krasnova, L. V. (1991). *Pojezija A. Bloka. K probleme konceptual'nosti poeticheskikh form: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*, MPGU im. V. I. Lenina, Moscow, p. 15 (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук,
главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	28.01.18	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	20.02.18
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	20.02.18	Опубликована <i>Published</i>	29.03.18

www.e-koncept.ru

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2018

© Авдонина Л. Н., Таньков Н. Н., 2018